

Пермские губ. ведомости.

1897. 14 февраля. № 37.

С. 2-3.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Письмо двадцать шестое.

1.

При обзорѣ всевозможныхъ современныхъ периодическихъ изданій, намъ въсколько разъ приходилось констатировать упадокъ настоящей родной словесности нашего времени. Незавидное состояние художественной беллетристики не могло не сказаться отрицательно и на современной критикѣ. Большинство критическихъ статей, въ силу необходимости, страдаютъ безцельностью, полны мелкихъ разборовъ отдѣльных литературныхъ произведеній, но мы напрасно будемъ въ современныхъ критическихъ очеркахъ искать цѣльныхъ характеристикъ, какъ отдѣльныхъ произведений, такъ и общедѣльных эпохъ. И это весьма понятно! Все великое прошлое въ родной литературѣ уже давно и давно оцѣнено, хотя нередко и на различные лады, но все же главнѣйшіе итоги подведены и общепризнаны. Кто—мало-мальски знакомый съ исторіей отечественной словесности—не имѣетъ въ настоящее время болѣе или менѣе яснаго представленія о ложноклассицизмѣ, сентиментализмѣ, романтизмѣ и гдѣхъ причинахъ «взвиздавъ»? Кто будетъ такимъ профаномъ, которому неизвестны особенности и отличительныя черты натуралистической школы П. В. Гоголя? Наполеонъ, кто позволить сказать, что онъ не имѣетъ ровно никакого понятія о направлении даровитѣльскомъ въ родной поэзіи, представителемъ котораго по справедливости считаются: Некрасовъ, Кольцовъ, оба Удальцовы, Рашетниковъ и ин. др.? Кто—крошъ тѣхъ, которые живутъ одной толь-

ко растительной, животной жизнью! Значить, центромъ обо всемъ этомъ давно и всѣмъ известное—будетъ одной только пустой тратой времени. Нужно уловленіе новизны въ современной теченіи и разнотіи родовъ словесности, но зѣбъ-го, и заключается весь трагизмъ! Оказывается и мы не имѣемъ заслуживающей вниманія новизны, или эта новизна до того пошла и огривительна, что одинъ изъ лучшихъ современныхъ нашихъ критиковъ, А. М. Скабичевскій, только и намечаетъ окрестить ее прямо именемъ «больной литературы».

Въ «Новомъ Словѣ», январь—97 г., критикъ повѣстивъ интереснѣйшую и весьма обстоятельную характеристику—состоянія молодой современной беллетристики подъ заглавіемъ: «Больные герои, больная литература».

Цифръ беллетристики, пишетъ востановивъ критикъ, имѣетъ дѣло почти сплошь съ героями, лишеными всякаго образа и подобія Божію, нервно разнравленными и ни на что неспособными тварицами. Водить читателей по психическимъ болѣзнямъ и заставлять его пританцовывать цѣлыми страницами сумасшедшаго бреда—считается намъ шикомъ. Вообще на первомъ планѣ стоитъ декадентская беллетристика. Она пестрядями нашла себѣ пріютъ, главнымъ образомъ, въ «Северномъ Вѣстникѣ». Здѣсь ее представителями являются—г-жа Гивіусъ и г. Соллогубъ.

Разобравши кратко повѣсть Гивіусъ: «Зеркала», А. М. Скабичевскій заключаетъ: «Въ повѣсти г-жи Гивіусъ дѣйствуютъ передъ нами люди совершенно, что называется, не въ здравомъ умѣ и не въ твердой памяти».

Въ свою очередь и г. Соллогубъ слѣдуетъ въ прошломъ году въсколько сѣ-

лать шаговъ по пути декадентства, причѣтъ онъ значительно опередилъ г-жу Гивіусъ: герои Соллогуба уже въ дѣтствѣ склонились съ ума. Такъ въ разсказѣ его «Черныкъ» изображается двенадцатилѣтняя дѣвочка Ванда. Она шпирлила уголь въ каминъ квартиры Рубинсона, ей начало казаться, что черныкъ у ней во рту, что онъ залезъ уже ей въ желудокъ... и вотъ дѣвочка стала худѣть, сохнуть а, наконецъ, умерла отъ скоротечной чахотки. Параллельно съ этой дѣвочкой въ разсказѣ «На звѣздахъ» Соллогубъ выставляетъ мальчугана Сережу, который, въ свою очередь, является передъ нами малевскимъ психопатомъ. Онъ полюбилъ звѣзды. Однажды ночью Сережа пробрался въ садъ, дошелъ до галактициды... большое сердце мальчугана не выдержало всѣхъ ужасовъ, разорвалось, и уголь махнулъ его мертвымъ на см. ой земля у забора... Да что Морже-воле, Гивіусъ и Соллогубы! Взявъ болѣе сильные таланты, хотя, напр., того же Ант. Чехова, и у него, въ своемъ очеркѣ, въ большинствѣ произведеній вывожатся герои, если не физически, то нравственно больные, съ разнвѣченными нервами. Вспомните, наираи, хотя бы ту же «Шестую ногу».

Наконецъ, составивши на повѣсть ессимъ молодого беллетриста Куларова: «Молоть», Скабичевскій заканчиваетъ такъ: «Однимъ словомъ, куда бы мы ни взглянули въ современную нашу беллетристику, насателъ самыхъ разнородныхъ школъ и направлений, старые и молодые, все видѣтъ рисуютъ намъ одинъ и тотъ же типъ безхарактернаго неврасистенка и безвѣрнаго психопата, а порою и совсѣтъ пошлота, какъ главнаго героя нашего времени. Конечно, передъ нами не случайное явлѣ-

Пермские губ. ведомости.

1897. 14 февраля. № 37.

с. 2-3.

ние, а как? нельзя болѣе знаменательно. Исконпатическiй герой современной беллетристики, безъ сомнѣнiя, служить представителемъ и выразителемъ нашей доблестной эволю. съ тѣмъ нѣтъ можно и поздравить!...

II.

Однако, какъ-бы нарочно для ослабленiя впечатлѣнiя отъ горькой истины. высканзавной кригикомъ, въ томъ же „Новомъ Словѣ“, на самомъ первъ изъ дѣствъ, находитъ драму въ крестьянской жизни въ 4-хъ дѣйствiяхъ—Евт. Карпова: „Мiрская вдова“. После прочтенiя этой пьесы, исомыгаешь замѣчательно хорошее чувство, получаешь полное нравственное удовлетворенiе. Во-первыхъ, это вовсе не драма! Никакого тяжелого чувства здѣсь и быть не можетъ! И милуйте! Подлецъ и ширѣвъ попался въ сдѣл изъ самыхъ крупныхъ своихъ произведенiй! Хотѣлъ научить честнаго, на чѣмъ недовѣрчиваго человека, „мирскую вдову“, а вдругъ самъ вырывается яду, похвалъ на скамью подъ тѣмъ! Какимъ же это драмъ? Э о. нѣтъ въ виду отзвѣвъ знаменитаго критика о драматическомъ произведенiи. А Н. Островскаго, просто «песа жизни», наизъзнавъ на сггую проишную мораль: „Порокъ наказуется, а добродѣтель возмещается!“ Мало того, новая пьеса с. Карпова не драма уже и потому что это не нцолнѣ художественное, органически и естественно развивающееся изъ одной идеи произведенiе. Какъ это не сѣло, во мы рѣшаемся это утверждать, не смотря на поясненiе, нѣмощесл подъ заголовкомъ: „Удостоена историко-филологическимъ факультетомъ петербургскаго университета премiя Н. Т. Вучича на конкурсъ 1895 г.“. Пьеса Карпова не только художественна

уже потому, что между многими ея отдѣльными сценами мы не видимъ тѣсн, логически необходимой связи: вторымъ мы не видимъ и нѣмощесл особенно истински и художественно парисоматить картинъ. Правда, въ пьесѣ должны быть богатѣйша декорация: то цѣлая улица деревни, то пашня—съ лошадей и ошей, то постепенное потуханiе зари, то, вѣдь, зарево отъ пожара. но, согласитесь, что все это легко записать и далеко не такъ легко выполнить даже на весьма приличной провинциальной сценѣ. Кромѣ той, такой богатой и трудной обстановкѣ сколько почти не соответствующимъ герм в герснн, выведенные въ пьесѣ драматическимъ произведенiемъ. Многие характеристики даже главныхъ дѣйствующихъ лицъ по пошему нѣмощесл, вышли сложными и безннны. Не мало вредить дѣлу пьесы и славшомъ искусственный народный языкъ. Позвольте! Скажутъ нѣмъ: вы сами себѣ противорѣчите! То „Мiрская вдова“ остается полное нравственное удовлетворенiе, то это произведенiе не совершенно, какъ произведеде художественна е! Да, нѣмощесл тамъ н! Цѣла Карпова, именно, тѣмъ и привлекательна, что она—произведенiе юное, здоровое по своей основнй идѣ, чѣмъ вы почти не встрѣчаете въ большинствѣ современныхъ бездѣлительныхъ произведенiй «декадентскаго» пошлба. Пусть скажутъ и просящiе провнннуть въ деревню, а вѣдѣтъ съ ними, какъ неразлучны спутники, придутъ сюда: совѣтъ, другъ и чистая любовь—и въ отдаленные пргстѣнители доброты, подлости, обманли и вражда, а въ эти пауки и противогннуть и пропадутъ, какъ бы они ни были сильны, опсѣмъ и непреклонны въ своемъ злѣи. Но даромъ же и энграф

въ пьесѣ поставленъ: «Все ннщется, одна жизнь остается»!... После общей характеристики пьесы, нѣмощесл ее содержанiе. Оно не сложна и можетъ быть передано въ нѣмощесл слнннхъ. Жизнь „на деревнѣ“ простынная драма—Ульяна, баба работница, умная, честная. Ведетъ она жизнь самую правдивую, вѣчно на дѣлнн—то по нѣмощесл, то по слннн, такъ какъ слннннхъ неслннннхъ. за что и получаетъ съ нѣмощесл 25 руб. въ годъ. Хлопотать и трудиться приходится Ульянѣ для своихъ дѣтокъ—сиротъ: сывннхъ двѣнадцать дѣтъ, а дочурка еще совсѣмъ маленюкая, начнется въ дѣлнн, такъ что надо брать съ собою Варюшку и въ поле, что, разумеется, связываетъ Ульяну по рукамъ и по ногамъ. Какъ-бы, казалось, при такихъ условiяхъ не легко было совратиться и сѣтъ съ честнаго, развѣ нѣмощесл пути? Ну вотъ, напр., отчего бы не сѣтъ сѣтъ влюбленннхъ деревенскаго торговца—кабатчика, славного г. Ульянина? Не даромъ Ульяна про деревенскаго кулака говоритъ: „Эвона доронн-ти какъ взбрыкалъ! Княжевка! Въ избаралъ хлѣба-та не проморотннхъ! Довѣтъ подвая чаша. Знай, живи въ свое удовольствiе!“ При всѣхъ томъ Ульянинъ чѣмъ нѣмощесл еще молодой; изъ себя очевидно далеко аккуратен...; за Ульяну „готовъ душу продать“, лишь бы бабу «выручить»... Однако, Ульянѣ онъ противенъ, потому что «глаза у него алчные; на богатство покорыствовался» и женился на богатой. И Ульяна рѣзко отклоняетъ всѣ ласки и ухаживанiя богатого довелася, тѣмъ и разнннннхъ въ его сѣтъ противъ себя страшннхъ... Ну. чтобы погнннуть «мирскую вдову», Ульянинъ создаетъ искусный, хорошо, нѣмощесл, обхнннннхъ ннннхъ. Онъ под-

Пермские губ. ведомости.

1897. 14 февраля. №37.

С. 2-3

говаривает „за четвертой билет“ вы-
жигу и пропойцу Григорий Зарцова в од-
ну тёмную ночь поджигает небольшой сво-
сарай, благо, кь тому же застрахованный.
Чтобы обвинить потом в поджоге Улья-
ну; Улыбин велит Зарцову сшить оду-
рубашу Ульяны; сшила рубаха, без одного
оторванного рукава, подбрасывается в
кровать к Ульяне, в рукава, свеченный
керосинкой и вешного обжигает, конусом
протаскает на шёлк повариха. Увидев
происшедший пожар дознание, велит уже
арестовать Ульяну, но Зарцов не выдер-
жал: не смотря на то, что это была че-
ловечка, развращенный „интересная цивили-
зация“, он не вытерпел, вь весь за-
говорилась совесть — Григорий во время со-
знается, и вместо Ульяны арестуется на-
стоящие преступники.

Вот и вся фабула. Изъ вассы другия
действующих лиц упоминается об Улья-
бине; не смотря на „сладкий ея тон и
голос“ — вь ней сидит тоже дьявол;
Дукеры такъ же увьбегать пить мирскую
кровь, такъ и ея благовѣрный. Старикъ
крестьянинъ Никандръ—это олицетврен-
ный крестьянскія добродѣтели: терпѣніе,
доброта, снѣтливость, разсудительность.
Изъ молодыхъ ему подл паре Борисъ Куд-
ринъ, 37—38 лѣтъ, тоже сама воплощен-
ная нравственность, вь им, признатель, нѣ
недоуважию, почему этотъ умный вдовецъ
не женится на Ульянѣ, хотя очевидно, оба
они симпатизируютъ другъ другу. Вѣроят-
но, послѣ ареста Улыбина героиня съ ра-
достью соединится съ избраннымъ своимъ
сердца узникомъ гнивецъ.

Всегда понятно, что столь несложная
фабула означалась бы недостаточна для
цѣлыхъ четырехъ дѣйствій, а потому авто-
ру пришлось прибѣгнуть къ цѣлому ряду

вѣроподобныхъ, часто вставленныхъ сценъ.
Нѣ такія, вѣрны, отнесемъ игра вь
обѣихъ рубашъ вь савонъ началъ II го ак-
та, или сходка крестьянъ по поводу дуго-
шны паризовъ и вѣкотория другія. Во
всѣхъ случаяхъ, еще разъ повторимъ, фа-
була, не смѣетъ, на всю свою простоту и
несложность, хороша тѣмъ, что она чиста
и нравственна, вотъ почему пьеса г. Кар-
пова была бы особенно подходяща для на-
роднаго театра, если бы, кь великому со-
жалѣнію, не были столь трудны и фокусны
для немъ декорации.

III.

Пьесы, подобныя „Мирской идиліи“ Кар-
пова, особенно полезны вь наше время,
когда серьезно заботятся о народѣ и про-
свѣщеніи, чтобы растущая народная мысль
нашла себѣ правильный выхъ и была
поддержана. Иначе—народная масса, пре-
доставленная самой себѣ вь свѣтѣ ша-
тавляхъ доходить до такихъ бессмысленныхъ
результатовъ, которые за послѣднее вре-
мя особенно обнаруживаются, напр., при
изученіи разнообразившихся сектантскихъ
движеній. По данному вопросу мы нахо-
димъ очень много любопытныхъ свѣдѣній
въ общественой, въ высшей степени выте-
ресной статьѣ г-жи Бородавской-Ясевичъ;
статья озаглавлена: «Очерки по исторіи
сектантскихъ движеній вь екатеринослав-
ской губерніи» и помѣщена вь томъ же
„Новомъ Слѣдѣ“—визирь.

Получить точныя и вѣрныя свѣдѣнія о
сектантахъ, говорить г-жа Ясевичъ, вь
ихъ численности очень трудно. Всѣхъ вы-
шедшихъ сектантовъ именуютъ или шути-
листами или шалапутами, буди это хлы-
сты, притупили или холопши.

Бросивъ затѣмъ бѣглый взглядъ на кар-
тину сектантскаго религиознаго движенія вь

Пермские губ. ведомости

1897. 14 февраля. № 37.

с. 2-3.

екатеринбургской губернии, автор па-
шет: «Растет шугада, растет хмеле-
щана, прыгунство, молокаство, растет
пробужденная народная мысль, привыкая,
быть полезной, и неправильное течение, так
что нужно много утѣны, любви къ народу
и терпѣнія; чтобы сумѣть овладѣть этимъ
стремительнымъ потокомъ и заставить его
войти въ правильное русло!»

Вотъ, напр., передъ нами государствен-
ный крестьянинъ Цѣба. Онъ объявилъ о
себѣ, что посланъ отъ сакго Бога Отца
и Матери Божьей для утѣны людей
отъ соблазна и для наставленія на путь
истины; что къ нему являються въ видѣ-
ніяхъ для бесѣды пророкъ Илья и св.
Алексій. Самъ Цѣба доходилъ иногда до
изступленія, а приверженцы его, во время
его „замиралій“, съ благоговѣніемъ дѣла-
вали его правое козѣно.

Н мало крестьянъ, основательная секта
вышла изъ верѣдокъ и интеллигентныхъ лицъ.
Такъ руководитель хмелещанъ въ г.
Никольскъ былъ пѣкій напечатѣ Сухотинъ.
Хмелещанъ возмечиваютъ личнѣсть, утверж-
даютъ, что близится уже царство исти-
ныхъ хмелещанъ, что существованіе вѣ-
чнаго мира должно продолжаться до безконеч-
ности. Особенно почитаютъ хмелещанъ псалмъ
царя Давида, и, признавая пласку псал-
мѣнца предъ кивотомъ завета за един-
ственно возможный способъ единенія съ
Богомъ, они и мѣленія свои сопровождаютъ
особаго рода плаской, именуемой у нихъ
„радѣньемъ“, а мѣленія надпримироча-
вать духовными стихами. Каждая отдѣ-
льная хмелещанская община называется „ко-
раблемъ“, живутъ хмелещане вывнутой жи-
знію. Отступившій изъ хмелещанскаго „корабля“
долженъ забыть прошлое. Требования во-
обще этой секты весьма строгія: „Наша ку-

бѣсть, водки не пить, табакъ не курить,
хмелещанъ не промывать, избѣгать руга-
тельности, верности и блуда, не посѣщать
православныхъ церквей и пр. Кромѣ
того, хмелещанъ усилена постятся. Вотъ по-
чему вѣнны, Голотасъ вѣдоченннхъ „хмеле-
щанннхъ“, основали новую секту „пры-
гунскую“. Но вѣнннхъ вѣдоченнхъ пры-
гунство очень схоже съ шугадою: постовъ
оан не соблюдаютъ, иконъ не почитаютъ...

Спрашивается, какія же можно указать
причины вѣннхъ этихъ уродливостей въ на-
родѣ и жизни? Г-жа Явничъ, совершенно
справедливо, по этому поводу пишетъ: «Въ
стѣннхъ народа и выжила выжовато, преж-
де всего отсутствіе хорошихъ органовъ вѣннхъ
школъ. Внноваты, во-вторыхъ, тѣ вѣннхъ
нн вѣннхъ отношеній, которыя вѣн-
ны сложнлись между духовными астерями
и пасторами; сектантство растетъ обратно
при рѣннхъ нравственномъ уровнѣ слу-
жителя вѣннхъ церкви».

IV.

Наконецъ, въ той же явварской книж-
кѣ «Новаго Слова» напечатана превосход-
ная статья вѣннхъ нашего ученаго, со-
лиднаго астерика, Н. И. Карѣева: «За-
дачи социалогіи и теорія исторіи». Несмо-
три на философскій характеръ, написанъ
очеркъ просто, популярно. Но, во-первыхъ,
онъ еще не конченъ, во-вторыхъ, его ро-
зало лучше прочитать цѣлымъ: онъ дол-
женъ этого заслуживать, и потому имъ пока
этого серьезный философскій трактатъ оста-
вить въ сторонѣ. Статья Н. И. Карѣева
привлечетъ еще вѣннхъ разъ, когда
прідется какъ-нибудь вести рѣчь о куль-
турной отечественной исторіи.

Н. А. Смирновъ.